

► «МАЛИНОВЫЙ АККОРД» | Юлий Ким стал гостем любимого магнитогорцами фестиваля

ЕЛЕНА ЛЕЩИНСКАЯ

Песни Юлия Кима так органично вошли в бардовскую субкультуру, в театр и кинематограф, что мы и не задумываемся, насколько сроднились с ними. «Большое видится на расстоянии». Поди разгляди то, что стало неотъемлемой частью твоей жизни.

Высшая степень признания

Творчество Юлия Кима стало своего рода мостом между авторской песней, круг почитателей которой, как ни печально, не так уж широк, и массовым слушателем, далеким от бардовской среды. Между интеллигентами-эстетам и простыми работягами, с равным воодушевлением поющими «Ходят кони» или «Губы окаймленные». Пожалуй, для автора высшая степень признания — когда его песни считают народными. У Юлия Черсановича таких немало. Еще больше — тех, что, не заучивая наизусть специально, слушатели легко подхватывают, сами порой удивляясь, как легко слова следуют друг за другом, не заставляя напрягать память.

На днях под Белорецком состоялся VIII открытый фестиваль самодельной авторской песни «Малиновый аккорд», организованный уфимцами: известным туристом Уралом Бахтеевым и клубом «Белый ворон» во главе с Эльшадом Теляшевым. Одним из его почетных гостей стал Юлий Черсанович Ким, знаковая фигура в российской культуре. Нет таких восторженных слов, которые по отношению к нему прозвучали бы слишком пафосно. Он именно такой — великий, легендарный, просто потрясающий. И при этом — ни тени самолюбования. Он воплощение скромности и спокойной доброжелательности. Интеллигент в самом высоком смысле. А еще у него великолепное чувство юмора. Хочется, не отрываясь, слушать не только что он говорит, но как, с какой неподражаемой интонацией он связывает вроде бы обычные слова в единую вязь.

Галоши в подарок

На фестивали авторской песни я езжу — страшно признаться — с прошлого тысячелетия. И на наши, местные, и на всероссийские. Но нигде и никогда я не видела, чтобы кого-либо из мэтров, самых талантливых, знаменитых и балованных зрительским вниманием, встречали такой безусловной всеобщей любовью, таким безоговорочным обожанием. На пятничном концерте «Малиновки», где обычно бывает не слишком много публики (народ еще только съезжается и обустраивается), у сцены внезапно оказалась не одна сотня человек. Дождь не помешал песенному празднику — организаторы натянули для слушателей три огромных тента, соорудили лавочки из досок. Уже потом, в конце фестиваля, его директор Алексей Смоляр рассказал: приехавшие издалека мэтры к такой погоде оказались явно не готовы. Обуты они были в лучшем случае в кроссовки. На первый концерт «Малиновки» им пришлось добираться до сцены, надев на ноги полиэтиленовые пакеты. В субботу с утра пораньше организаторы отправились в Белорецк за галошами и скупили все шесть пар — больше в продаже почему-то не оказалось. Но, вместе с обувным арсеналом хозяев, хватило. Однако вернемся

на концерт — открытие «Малинового аккорда-2013».

Он настоящий!

Всех гостей фестиваля приняли очень тепло. Когда вышел замечательный бард Александр Суханов, признанный классик жанра, автор «Зеленой кареты», его буквально испугали в овациях и криках «браво». Казалось, это апогей, кульминация. Но, когда объявили выступление Юлия Кима и на сцену вышел этот невысокий и негромкий человек, стало понятно: это именно она, все-народная любовь. Едва ли не каждую песню поляна подпевала множеством голосов. Юлий Черсанович был приятно удивлен:

— Я догадывался, что вы знаете много моих песен, но чтобы столько... Что бы мне спеть нового, чего вы еще не знаете...

Невозможно было поверить, что ему хорошо за семьдесят. Что в этот день он прилетел в Уфу, а потом 200 километров его везли на машине до Малиновой поляны. Что он почти не успел отдохнуть с дороги. И... честно говоря, то, что это именно он, воспринималось как нечто невероятное. Чудо. Подарок судьбы. Сутки спустя, на субботнем концерте, один из зрителей от полноты чувств возопил неслабым таким баритоном:

— Это Юлий Ким! Он настоящий!

Юлий Черсанович улыбнулся, а потом невозмутимо сказал:

— Я постараюсь оправдать.

Предлагаю вниманию читателей «ММ» интервью с настоящим Юлием Кимом. Этот разговор состоялся на фестивальной поляне в субботний полдень, перед тем, как легендарный автор принял участие в мастерской для бардовской молодежи.

Культура никуда не делась

— Юлий Черсанович, для начала — чисто женский вопрос. Строчки одной из самых известных ваших песен «Губы окаймленные»: «Пошлю дролечке письмо, и мы начнем все

сызнова». Как вы думаете, можно дважды войти в одну реку?

— В определенных обстоятельствах это невозможно. Если же применить к сочинительству — можно. Или можно оставить одно занятие ради другого и потом вернуться к предыдущему. Знаю немало случаев, когда человек оставлял возлюбленную или возлюбленного, а потом опять к нему возвращался.

— У меня ощущение, что этой строчкой — «мы начнем все сызнова» — песня и цепляет слушателей и особенно слушательниц в первую очередь.

— Упаси боже! Эта строчка возникла от изящной рифмы «позову я сизого — мы начнем все сызнова». Бывает так, что рифма тащит за собой некоторый смысл, который нравится и автору, и слушателю.

— Если в этом контексте взглянуть на авторскую песню... Сейчас постоянно говорят о том, что культуру надо возрождать. Вроде бы делается ставка и на авторскую песню. Но даже сами барды считают, что она никогда не сможет занять столь же значимое место в умах и в сердцах, какое занимала в прошлом веке.

— Я с этой точкой зрения абсолютно согласен. Действительно, в середине прошлого века бардовская песня занимала внимание тогдашней публики всех возрастов больше, чем сейчас. Когда появился интересный рок, «Битлз» и так далее, уже предпочтения делились между бардовской песней и этими новыми веяниями в западной музыке. Но это ни о чем не говорит. Всякое хорошее творчество помогает или развитию, или восстановлению культуры. Сейчас говорят о том, что культура наша разрушилась. Я с этим не согласен бы, потому что культура никуда не делась. Другое дело — что появилась масса новых веяний, вызванных развитием потребительского общества, ширпотреба. И, конечно, широкая публика увлечена попой самого низкого пошиба. Но бардовское дело как продолжалось, так и будет продолжаться. По моим наблюдениям, и не только по моим, если его меньше видно по телевизору, это совершенно не означает, что оно

закончилось. Я больше ориентируюсь на количество фестивалей вроде «Малинового аккорда», которые сплошь и рядом происходят в течение года в самых разнообразных уголках земного шара и в России в первую очередь. В одной Америке в год происходит два или три: вокруг Нью-Йорка их точно два летом, на западном побережье один-два фестиваля. Тысячи людей собираются на эти фестивали бардовской песни, не говоря уже о региональных, таких как «Малиновый аккорд» — как начнешь перечислять, то... Море народу. Это потребность. Они все время собирают публику, причем не только возрастную, но и самую что ни на есть молодую. Это отратно. Другое дело — что это как раз говорит о природе бардовской песни. Она не лезет в телевизор. Передачи о бардах не нужны массовому зрителю. Но это не означает, что жанр пропал. Все ушло в свои круги, в круг своих друзей своего института, своего городка, и там она востребована и будет востребована очень долго, если не навеки.

Стадион — не бардовская публика

— В наши дни для многих «неофитов» приход в бардовское движение — не внутренняя потребность, а замена выходу на телеэкран, стремление поймать свою минуту славы.

— Современный начинающий бард старается, как это сейчас называется, обшупать свой социальный лифт, выяснить, как ему пробиться. Вот это как раз полностью противоречит природе бардовской песни. Песня возникает от желания попеть вместе со своими о чем-то своем. Этот круг потом может расшириться, но требование своей компании у бардов всегда остается. Когда Булат Окуджава выходил на сцену и перед ним было четыреста человек, он мгновенно превращал всех четырехсот в свою компанию. Это делают и теперешние барды, включая вашего покорного слугу. Поэтому стадион — это не бардовская публика. Очень немногие люди и востребованы стадионами. Я назвал бы из наших

действующих только двоих: Олега Митяева и Тимура Шаова.

— Может быть, не случайно о них говорят, что они отошли от авторской песни?

— Они не отошли, зачем. Они целиком из авторской песни выросли, все интонации их оттуда. Другое дело, что то, что нащупал Олег Митяев, оказалось созвучно сердцам самой простой неискушенной попсовой публики, и поэтому он популярен и среди публики Киркорова, Пугачевой и иже с ними. Ну что ж, человеческая культура и человеческие потребности очень разнообразны, и возникают некоторые пересечения. А Шаов живо откликается на все социальные вызовы нашего времени, как Жванецкий. Рядом с ним возникает фигура замечательного человека нашего времени Дмитрия Быкова — это настоящий поэт, настоящий литератор во всех областях, до которых он доходит, включая даже драматургию — и в первую очередь, конечно, журналистику. У него огромное количество стихов, особенно раннего периода, когда он был маньеристом и оттачивал свое перо в самых разнообразных интонациях и жанрах. Но вот в последние годы он занимается острым сатирическим злободневным стихотворным фельетоном. Это, как раньше говорилось, утром в газете — вечером в куплете. Жанр злободневного отклика. Вот ваш покорный слуга любил откликаться на злобу дня. В общем-то, эти песни так и остались в своем времени. И если просят их спеть, то для того, чтобы повспоминать. Но не скажешь, что они сочинены так, как какой-нибудь «Гаргантюа и Пантагрюэль» или свифтовский «Гулливер». Это недолговечные вещи.

Песни городских кухонь

— Авторская песня, по вашему мнению, — это явление советское, российское или есть аналоги этому культурному явлению в мире? Я не имею в виду эмигрантов из России...

— Тут я пас. Мне трудно сказать, в каких модификациях это возникает, допустим, в Польше, насколько переключается с кантри, с каким-то